

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ КАК ФАКТОР «ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ» НА НОВОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РФ

К. К. Койше

В настоящее время в России происходит процесс качественной социокультурной трансформации. Современная этноязыковая ситуация в регионе – это результат распада СССР и процесс самоорганизации новой социокультурной системы на базе того, что получилось после распада, в контексте мощных миграционных процессов. В начале нового столетия в Тюменскую область в целом, продолжают прибывать представители различных национальностей из стран ближнего зарубежья, в том числе казахи, азербайджанцы, таджики, узбеки.

Миграция населения не только простое механическое передвижение людей, но и сложный социально-психологический процесс, затрагивающий закономерности поведения и общения людей, их деятельность, обусловленные включением индивидуумов в социальные группы, а также психологические особенности социальной психологии народов. Изучение влияния миграционных процессов на социальную психологию народов важно тем, что миграция населения сыграла ведущую роль в истории человечества, с ними связаны процессы заселения, хозяйственного освоения, развития производительных сил, образования и смешения рас, языков и народов.

Характер миграций населения в последние десятилетия довольно существенно изменился. Наряду с экономическими факторами, все большее значение приобретают политические и социально-психологические факторы. Иногда миграции обусловлены национальными и религиозными мотивами. Миграция затрагивает такие важные вопросы как природа общественных отношений, соотношение индивидуального и общественного сознания, закономерности общения, поведения и деятельности людей.

Этнический дискомфорт под воздействием экономического и социально-политического фактора легко перерастает в общественные фобии и оборачивается ростом интолерантных и миграционных стратегий. В то же время этнический комфорт, определяя степень привлекательности определенного этнотерриториального сообщества, предполагает характерную для конкретного региона исторически выработанную модель оптимальной «межэтнической (культурной) дистанции»; она не препятствует межгрупповому взаимодействию, но в то же время обеспечивает целостность и эффективное воспроизводство этнических идентичностей.

В последнее время к факторам, определяющим масштабы миграции, прибавились новые: национальные конфликты, процесс суверенизации республик, обостривший национальные и социальные отношения и т. д. В конце 80-х начале 90-х годов приоритетное место в причинах оттока иноязычного населения заняли морально-психологические и этнические установки (например, язык), межнациональные конфликты.

С нарастанием масштабов вынужденной миграции в нашей стране в сфере защиты мигрантов встает целый ряд вопросов, требующих государственных усилий. К ним относятся: определение мест временного размещения, помощь в социальной адаптации, организация информационной службы, формирование общественного мнения с принципами гуманизма и социальной терпимости и т. д.

Именно миграция актуализирует проблему дистанций и границ в межэтническом взаимодействии. По мнению Ф. Барта, чья работа «Ethnic Groups Boundaries» (1970) стала основой концептуального переосмысления этничности, само этническое сообщество может быть идентифицировано, исходя из границ, которыми оно само себя обозначает, а не из специфики меняющей свое содержание культуры, находящейся в пределах этих границ. Факт постоянной дихотомии между сообществом и «внешними» контрагентами позволяют определить его достаточно достоверно. Можно говорить о том, что интенсивное воздействие миграции влияет на формирование новых черт, субъективных особенностей типов этногруппы (этни-

ческая устойчивость биологической активности, устойчивость регуляционных отношений) или на утрату имеющихся особенностей устойчивых этнотипов (уникальность этнической творческой деятельности, устойчивость осознанности принадлежности группы к этносу).

В этом смысле этничность представляет собой стратегию отграничения в ходе создания и трансмиссии этнических границ; это действенный и реальный способ выражения групповой идентичности, который связывает членов группы «мы», чтобы подчеркнуть отличие от «чужих» («они»). Этот подход активно используется в сравнительно-сопоставительном языкознании, этнопсихолингвистике, социологических миграционных исследованиях, которые демонстрируют актуализацию этничности в ходе различных социальных практик и процессов, сопровождающих миграцию и формирующих этнические границы.

Рассмотрим, какие страны оказывают влияние на формирование современной языковой ситуации в Тюменском регионе:

Таблица 1

Международная миграция населения

	2007	2008	2009	2010	2011
Прибыло – всего	11909	12804	12884	11583	23341
в том числе из:					
государств-участников СНГ	11596	12476	12562	11238	22267
Азербайджан	1414	1760	1801	1410	1686
Армения	570	701	684	590	811
Беларусь	380	379	333	278	1234
Казахстан	1654	2019	2082	1709	1924
Киргизия	1520	1521	1518	1563	3157
Республика Молдова	987	956	893	682	910
Таджикистан	744	1192	1745	2105	3539
Туркмения	37	51	35	60	22
Узбекистан	776	674	667	745	3030
Украина	3514	3223	2804	2096	5954
стран дальнего зарубежья	313	328	322	345	1074
Болгария	28	19	20	46	29
Германия	96	112	63	76	117
Грузия	113	120	162	114	105
Израиль	10	18	14	9	7
Канада	6	5	5	-	9
Латвия	11	10	8	7	8
Литва	4	9	-	4	3
США	5	4	3	11	10
Эстония	11	2	6	12	23
прочих	29	29	41	66	763

Итак, лидерами в миграции из стран ближнего зарубежья для Тюменской области являются Украина (5954 человек в 2011 г.), Таджикистан (3539 чел. в 2011 г.), Киргизия (3157 чел.), Узбекистан (3030 чел.), Казахстан (1924 чел.), Азербайджан (1686 чел.). Следует отметить, что из указанных стран наиболее мощно влияют на русский язык местного населения украинцы (вследствие языковой близости русского и украинского языков), казахи (благодаря хорошему знанию русского языка). В то время как прибывающие из Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Азербайджана очень плохо владеют русским языком, поэтому они осваивают русский язык опосредованно, благодаря своим детям, которые изучают русский язык в школе. Всякая современность определяется историей. Нередко в социологии и психологии нации используется понятие «национальные чувства» – отношения личности к своей нации и другим нациям, к образу жизни. Они способствуют закреплению национального стереотипа. Национальные чувства проявляются в уважении к другим национальностям, в виде национальной гордости, любви к своей культуре, образу жизни. Национальная гордость – продукт обыденного воспитания, просвеще-

ния. Чрезмерное чувство гордости своей нацией может привести к национальному эгоизму. Существуют также понятие национальный стыд (противоположность национальной гордости) и национальный нигилизм (отрицание национальной культуры). Чем культурнее нация, тем больше в ней развиты интернациональные чувства. Психологические особенности образа и стиля жизни нации всегда оказывают влияние на формирование личности. Важность разработки психологии нации, методик ее изучения заключается в том, что ее достижения помогут бороться с расизмом, национализмом и т. д.

В контексте развития миграции различают несколько типов межэтнических взаимодействий. В первом случае имеет место этническая близость (языковая и культурная) переселенцев и коренных жителей (именно такая модель имела место в Чуйской степи в ходе проникновения казахов в зону обитания теленгитов); во втором – их этническая неоднородность (эта модель была реализована казахами Тобольской губернии, степного и предгорного Алтая при взаимодействии с русским этносом). Негативные социально-психологические и социокультурные последствия возможны в обоих случаях, поскольку миграция, прежде всего, проявляется в росте нагрузки на социально-экономическую и социокультурную сферы, что приводит, в свою очередь, к неизбежному росту конкуренции, оценка которой в массовом сознании так или иначе преломляется сквозь призму этносоциальных и межэтнических отношений. Такого рода заключения имеют большое значение для анализа этнополитической истории Западной Сибири нового и новейшего времени, результатом которой является формирование казахского сообщества региона с характерными для него формами идентичности.

Этническая идентичность, по Ф. Барту, образуется в результате взаимодействия групп; в зависимости от контекста выбираются специфические черты (культурные образы), которые наделяются символическими смыслами и используются для конструирования границ этнической принадлежности, что является немаловажным в разграничении сибирских татар и сибирских казахов. Это понимание этнической идентичности также является актуальным и при исследовании диаспоральных стратегий. В культуре нации отражается ее преобразующая деятельность, включает результат деятельности и средства. Культура общности – видовая, так как в ней отражается история конкретной общности. На протяжении всей истории развития человеческого общества разные народы вступают в экономические, политические, военные, культурные, научные и другие отношения. В процессе общения этих народов происходило формирование различных типов двуязычия и многоязычия. Двуязычие в первобытном обществе носило случайный и временный характер, получивший наименование элементарного первобытного двуязычия.

С появлением многонациональных государств возникают более сложные формы общения между народами. На этом этапе общественного развития человечества появляются биллингвы, полилингвы и профессиональные переводчики. Устойчивые формы и типы двуязычия возникли в эпоху феодализма (V–XVIII вв. для Западной Европы, IX–XVIII вв. – для России). Появление функционального двуязычия было характерным явлением в мире индуизма (древнеиндийский язык – санскрит); у китайцев, корейцев, японцев, вьетнамцев – вэньянь (древнекитайский) и тибетский; у мусульманских народов – классический арабский и классический персидский; у христиан – это греческий, латынь, церковнославянский; в мире иудеев – культовый иврит и т. д. и т. п.

Истоки формирования массового национально-русского двуязычия в России восходят к XIV–XV вв. В основе этого процесса лежали различные факторы и, прежде всего, добровольное вхождение этносов, народов в состав России. В результате различных контактов, формирования разных типов и видов двуязычия и многоязычия народы обогащали свою культуру, свой язык на основе взаимодействия с русским. В этой связи поучителен пример экономических, культурных контактов России с Германией, уходящих от современности в древнейшие времена. Как показывает лингвистический анализ, еще в XI веке были усвоены немецкими диалектами русские слова.

Торговые и культурные контакты времен расцвета Киевской Руси особенно усилились в средние века, когда купцы Ганзы вели оживленную торговлю с Новгородом, Псковом, Смо-

ленском и Витебском. Немцы и русские постоянно общались также в Риге, Ревеле (Таллинн), Дерпте (Тарту) и Нарве. В Ревеле, например, в начале XVI в. были официальные переводчики-маклеры, не считая тех купцов и чиновников, которые хорошо знали русский язык. Ученые насчитывают десятки слов, заимствованных немецким языком непосредственно из русского в ходе контактов XII–XVI вв.: **юфть, сафьян, выхухоль, алтын, гривна, рубль, верста, аршин, ям, пристав, корда, слобода, стерлядь, квас, кнут** и др.

Интерес к русскому языку стимулировался и необходимостью освоить богатую культуру, науку и технику страны. В 1698 г. в университете г. Галле были организованы первые официальные курсы русского языка, на которых преподавали и русские студенты, приехавшие в Германию на обучение. Узнав об этом, Петр I выразил свое глубокое удовлетворение. Русский язык становится все более востребованным. Наряду с бобровым мехом, воском, икрой, пенькой, юфтью, Западная Европа все больше черпает географические, естественно-испытательские, научно-культурные сведения из России. Интерес к русской культуре становится определяющим фактором для судьбы русского языка в Германии, что способствовало возникновению новых форм билингвизма и полилингвизма.

Вместе с тем звучащая русская речь также испытывает влияние диалектного звучания под воздействием «внутренних» мигрантов из других регионов России. Наиболее мощными партнерами в этом процессе выступают мигранты из Южного федерального округа и Центрального федерального округа. Миграция из Южного федерального округа представлена, прежде всего, так называемыми «кавказскими» районами: Дагестаном, Ингушетией. Кабардино-Балкарией, Северной Осетией-Аланией, Карачаево-Черкессией, Чечни и Ставропольским краем.

Таблица 2

Межрегиональная миграция населения (включая внутрирегиональную)

	2007	2008	2009	2010	2011
Прибыло – всего	89437	85326	76027	85402	160359
в том числе из:					
Российской Федерации	77528	72522	63143	73819	137018
из них из федеральных округов:					
Центрального	3087	2842	2491	2632	4874
Белгородской области	367	293	305	312	657
Брянской области	199	191	158	167	279
Владимирской области	150	151	120	116	180
Воронежской области	368	347	284	286	565
Ивановской области	154	159	116	127	208
Калужской области	78	73	76	73	128
Костромской области	86	84	84	68	128
Курской области	145	154	104	128	225
Липецкой области	76	77	68	74	149
Московской области	366	382	388	385	662
Орловской области	72	42	52	59	102
Рязанской области	64	69	47	68	99
Смоленской области	97	68	68	78	133
Тамбовской области	113	93	74	71	127
Тверской области	127	89	52	71	160
Тульской области	162	134	107	137	223
Ярославской области	73	57	64	65	120
г. Москвы	390	379	324	347	729
Северо-Западного	1026	955	816	909	1725
Архангельской области	69	79	56	55	157
Вологодской области	45	70	41	50	69
Калининградской области	101	85	86	104	167
Ленинградской области	122	146	117	121	255

Мурманской области	58	41	52	78	121
Новгородской области	55	43	34	31	72
Псковской области	55	39	35	39	62
г. Санкт-Петербурга	331	293	231	285	509
Республики Карелия	15	19	20	15	36
Республики Коми	175	140	144	131	277
Южного	9172*	9016*	7833*	9083*	5373
Астраханской области	103	98	89	131	248
Волгоградской области	696	713	575	625	1269
Ростовской области	733	634	517	522	1002
Республики Адыгея	159	125	103	135	206
Республики Калмыкия	81	101	91	108	225
Краснодарского края	1854	1499	1216	1329	2423
Северо-Кавказского	11164
Республики Дагестан	3433	3763	3526	4328	7591
Республики Ингушетия	134	180	135	138	235
Кабардино-Балкарской Республики	115	94	62	95	164
Карачаево-Черкесской Республики	393	395	300	305	542
Республики Северная Осетия-Алания	141	129	87	110	216
Чеченской Республики	434	422	419	446	842
Ставропольского края	896	863	713	811	1574
Приволжского	13073	11733	10422	12311	24226
Кировской области	627	586	447	544	995
Нижегородской области	325	296	249	222	469
Оренбургской области	979	887	774	958	2038
Пензенской области	264	228	204	210	368
Самарской области	1073	884	863	929	1715
Саратовской области	480	478	434	485	953
Ульяновской области	429	332	261	313	587
Республики Башкортостан	5331	5103	4643	5728	11127
Республики Марий Эл	457	390	329	392	807
Республики Мордовия	138	97	70	79	150
Республики Татарстан	1059	891	817	902	1620
Удмуртской Республики	417	324	251	287	811
Чувашской Республики	541	421	352	417	788
Пермского края	953	816	728	845	1798
Уральского	43176	40790	35326	41941	76730
Курганской области	3384	3062	2649	2934	5936
Свердловской области	4076	3592	3089	3271	6302
Тюменской области	33859	32502	28031	34139	61452
Ханты-Мансийского автономного округа-Югры	14594	14943	12724	15686	28088
Ямало-Ненецкого автономного округа	4236	4222	3485	4378	8434
Челябинской области	1857	1634	1557	1597	3040
Сибирского	7494	6727	5797	6377	12101
Иркутской области	287	200	219	238	396
Кемеровской области	407	358	340	308	699
Новосибирской области	865	864	761	729	1422
Омской области	3512	3010	2789	3118	5442
Томской области	496	463	354	398	849
Республики Алтай	48	32	2	5	36
Республики Бурятия	141	118	97	103	186
Республики Тыва	14	11	11	8	5
Республики Хакасия	71	79	61	79	148
Алтайского края	1177	1162	872	1082	2230
Забайкальского края	113	96	69	70	135

Красноярского края	363	334	222	239	553
Дальневосточного	500	459	458	566	825
Амурской области	98	69	59	101	110
Магаданской области	30	23	20	37	40
Сахалинской области	45	39	53	32	74
Еврейской автономной области	21	17	12	18	24
Чукотского автономного округа	7	17	13	12	18
Республики Саха (Якутия)	86	116	83	103	161
Камчатского края	42	24	22	32	42
Приморского края	104	82	119	129	213
Хабаровского края	67	72	77	102	143

* С учетом сведений по Республике Дагестан, Республике Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Северная Осетия-Алания, Чеченской Республике, Ставропольскому краю.

В такой сложной межнациональной обстановке происходит формирование языкового и речевого поведения как местного тюркского населения, так и прибывающего из стран ближнего зарубежья. По мнению Р. А. Вафеева, в основу двуязычия должен быть положен критерий практики общения, т. е. двуязычие – это способность и возможность достижения взаимопонимания между билингвами в процессе производства материальных благ, это реализация общественных функций, которые осуществляются двумя контактирующими языками. Вслед за О. С. Ахмановой, Р. А. Вафеевым, Л. В. Щербой и др. учеными под двуязычием мы будем понимать способность отдельного индивида, тех или иных групп населения общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках независимо от степени проявления интерференции. Именно она представляется нам наиболее приемлемой. Билингвология занимается изучением сущности двуязычия, функционирования разных языков в их различных аспектах и разработкой общей его типологии. Каждый его аспект является предметом интереса лингвистов, социологов, психологов и многих других. В этой связи принято выделять лингвистический, социологический, социолингвистический, психолингвистический, педагогический и другие аспекты исследования двуязычия. Такое расслоение объекта на множество аспектов исследования преследует цель глубокого, всестороннего научного познания самого объекта исследования. Культура межнационального общения – уважение к людям других национальностей, доброжелательность и чувство коллективизма, готовность прийти на помощь человеку любой национальности. Изучение этносоциальных особенностей психики людей имеет в этногруппах важное значение для воспитания людей и их культуры общения в трудовых и учебных коллективах. Например, в рамках комплексной программы по профилактике правонарушений и преступности в городе Сургуте на 2006–2010 годы в городе осуществляется межведомственный проект «Школа адаптации» для педагогов школ, преподавателей образовательных негосударственных учреждений, руководителей и активистов общественных этнических объединений. Проект «Школа адаптации» направлен на организацию курсов изучения русского языка для детей мигрантов на базе школ при общественных объединениях города и образовательных учреждений. В городе осуществляют деятельность 32 этнических общественных объединения. При некоторых созданы воскресные школы.

Необходима разработка классификации социальных процессов и этнотипов, которая позволит на основе субъективных и объективных критериев оценивать специфические изменения, происходящие в социальной психологии народов.

Национальные и этнические отношения являются специфической формой общественных связей, отражающих все богатство и многообразие общественной жизни. Вместе с тем национальные и этнические отношения – строго определенная сфера общественных отношений, «границы» которой очерчены объектом взаимодействия этнических общностей и их представителей. Использование системного подхода к изучению различных сторон этнопсихологических проблем позволяет решать вопросы повышения резерва роста производительности труда, адаптации личности в трудовом коллективе, регулирования воспитания людей.

Знание психологических процессов, их формирования и развития помогает учитывать в работе этнические особенности психики людей, закономерности национального сознания и самосознания, проявление этнических стереотипов, этнической культуры, традиций, привычек и различных форм поведения народов.

По мере распространения различных стандартизированных форм профессиональной культуры этническая специфика у современных народов из сферы материальной культуры постепенно перемещается в сферу духовной жизни. Нельзя не учитывать и возникновение новых традиций, в том числе в сфере повседневной бытовой культуры.

Материалы переписей населения (1989–2010) свидетельствуют об относительно устойчивом сохранении казахского языка в качестве родного. В то же время широко распространено двуязычие. Как показывают данные этносоциолингвистического опроса, практически все казахское население в той или иной степени владеет русским языком (понимают, говорят, читают и т. д.). Однако для молодежи характерно более глубокое знание русского языка, чем родного казахского: 99,2 % мужчин в возрасте до 25 лет и 97,1 % женщин того же возраста свободно владеют русским языком, в то же время как казахским – 67,6 % и 71,4 % соответственно. Немаловажную роль в этом сыграл процесс перехода на обучение в школах с преподаванием всех предметов на русском языке. По данным опроса, неполное среднее, среднее, среднее специальное и высшее образование получено казахами преимущественно на русском языке. Родной казахский язык изучается в качестве предмета в Ишиме и Голышманово. Образовалась положительная установка родителей на обучение детей в русских школах: 94,5 % опрошенных предпочли обучение в русской средней школе, в то же время 78,4 % информаторов хотели бы, чтобы детям преподавался родной язык в школе в качестве предмета.

Как показали результаты обследования, языковая активность казахов ниже уровня их языковой компетенции, т. е. потенциальное двуязычие достигло довольно широкого распространения, в то время как сферы действия реального билингвизма еще сужены. Наиболее активно русский язык используется на производстве, роль русского языка достаточно значима при общении с друзьями, соседями, прежде всего иной национальной принадлежности. В семейно-бытовой сфере основным языком общения остается казахский. Кроме того, использование русского или казахского языков в различных ситуациях и средах зависит от пола, возраста, социальной продвинутости опрашиваемых.

Проникновение языков друг в друга является длительным эволюционирующим процессом человеческого сообщества, что обусловлено полиаспектными и многогранными контактами носителей различных языковых культур: экономическими, социальными, научными, культурно-языковыми, которые имеют длительную протяженность во времени и пространстве. Не вызывает сомнений, что иноязычные элементы способствуют обогащению лексики того или иного языка, являясь своеобразным маркером престижа в речи говорящего. Такова была роль латинского и греческого языков в средние века, такова была роль французского в девятнадцатом веке, позже аналогично развивалась ситуация с немецким языком, а ныне – с английским языком также. Однако если вопрос о проникновении европейских языков в русский язык изучался давно и имеет свою значительную историографию, то вопрос о проникновении малых языков, равно как и само исследование этих языков является малоизученным, а потому и перспективным в контексте яркой дихотомии активно развивающегося полилингвизма и углубленного языкового национализма, более широко представленного на постсоветском пространстве [1, 4]. Так, например, Э. Д. Сулейменова в качестве позитивного примера приводит ослабление роли русского языка в современном Казахстане [8]. Вместе с тем, усиление миграционных процессов на территории Тюменской области из Казахстана, Таджикистана, Узбекистана в контексте функционирования русского языка приводит к аттракции как русского, так и родного языков.

Сегодня замалчивается тот факт, что Россия, испытывая мощную миграционную нагрузку, становится полем для многовекторной коммуникативной войны, где вопрос статусности языка не является праздным, но отражает витальность той или иной лингвокультуры. В условиях полиязычия, усиления миграционных процессов и прозрачности границ остро встают

проблемы государственного, а не стихийного лингвомоделирования языковой личности нового полилингвоментального типа. Так, например, для Тюменского региона в настоящее время главными донорами остаются Украина и Казахстан, которые совокупно в межпереписной период с 1989 по 2002 гг. составляют около 60 % всех внешних мигрантов, соответственно это находит свое отражение и в речевом поведении местных жителей. На диаграмме видны основные страны происхождения внешних мигрантов в Тюменской области в 1989–2002 гг. [3]. Украинское влияние на функционирование русского языка в Тюменской области и русское влияние на функционирование украинского языка в регионе подробно рассмотрены Л. Ф. Карелиной [4], которая отмечает устойчивость возникающих языковых явлений в обоих языках, приводящих в итоге к появлению региональных разновидностей языка. На наш взгляд, здесь было бы уместнее говорить об эволюционном характере функционирования языков в полиэтничном пространстве Тюменской области. Кроме того, второе место среди жителей региона по численности справедливо занимают татары как коренные сибирские, так и поволжско-казанские.

Рисунок 1

Каждой эпохе в развитии этнического общества, в жизни человечества соответствует определенный тип культуры, который обладает специфическими и конкретно-историческими характеристиками: информационными, классовыми, национальными, т. к. своеобразие культурных форм определяется исторической судьбой той или иной нации или народности, отражающей в частности, и ее межнациональные связи. В этом смысле национальное своеобразие культуры не абсолютно, любая национальная культура включает интернациональный элемент, в прогрессивной культуре каждой нации его представляют общечеловеческие непреходящие ценности.

Международная миграция в Тюменском регионе в межпереписной период сформировала 1/3 новых мигрантов, из которых 98 % были жителями СНГ и Балтии. В этих условиях становление евразийской языковой личности нового полилингвоментального типа в условиях национально-конфессионально-англо-русского и русско-национально-конфессионально-английского триязычия и изучения дополнительного языка – это объективный процесс деятельности языковой политики в подготовке современного конкурентоспособного и мобильного специалиста в условиях глобализации. В контексте функционирования разноструктурных языков формируется специфическая языковая личность нового типа, для которой характерно умелое сочетание разноструктурных языков.

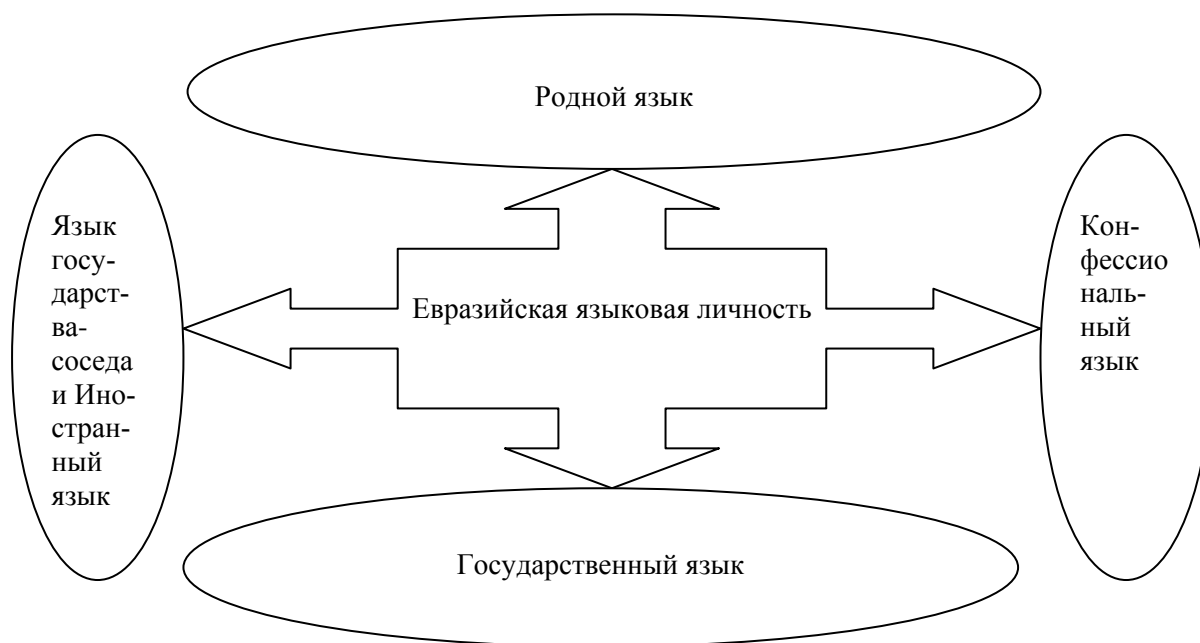

Рисунок 2

В результате мы имеем сложную мегаконцептуальную структуру современной евразийской языковой личности, которая полиаспектна в современной палитре звучания. Означает ли это, что характер современной языковой евразийской личности обладает большей спецификой, чем мы предполагали ранее? Несомненно, да. Нельзя не согласиться с З. В. Поливарой, что в структуре евразийской языковой личности необходимо выделять язык конфессии, который находится, на наш взгляд, в сакральной зоне личностного бессознательного. Особо это актуально для представителей тюркских народов, исповедующих ислам. Даже правильнее, на наш взгляд, говорить о том, что язык конфессии органично включен в родной язык и архетипическую область бессознательного личностного высшего «Я». Например: мировых языков (русского, китайского, английского, арабского) и языков народов России (татарского, мордовского, бурятского, хантыйского, мансийского и других языков России), или другого постсоветского государства (например, украинского, казахского, литовского, таджикского). В это же сочетание интегрируется язык конфессии (арабский как язык ислама). Так, Л. А. Жилинская, анализируя арабизмы в немецком языке, подчеркивает стремительное увеличение доли арабизмов в современном немецком языке за счет увеличения представителей исламской культуры в Германии и других немецкоязычных странах и регионов Евросоюза.

Само функционирование языков в условиях полиэтничного полилога предполагает проникновение языковых культур друг в друга в контексте несформированной полилингвальной и поликультурной языковой личности. Возникает вопрос: каким образом использование концептов иной языковой культуры трансформирует внутреннее языковое пространство языковой личности? Какие новые черты приобретает полилингвальная языковая личность в ходе постоянного использования второго-третьего языков на разных языковых уровнях? Исследователи по-разному отвечают на эти и другие вопросы, возникающие в процессе функционирования языков [1, 5, 6]. Как справедливо отмечает З. В. Поливара, «неизбежные явления интерференции, интервенции (захвата сферы языка), аттрикции (порчи языка), сопровождающие этот процесс, влияют и на усвоение русского языка, и на сохранность родного языка» [6: 3]. Поэтому мы считаем необходимым уточнить схему, предложенную З. В. Поливарой, включив в структуру евразийской языковой личности параметр – язык страны-«соседа», поскольку в ситуации приграничья роль языка соседнего государства увеличивается при непосредственной коммуникации.

Именно многовекторность и полиаспектность коммуникативной войны между основными языками поликоммуникативно-этнокогнитивной деятельности жителей становится опре-

деляющим условием возникновения евразийской языковой личности нового типа. В связи с этим, проблемы функционирования языков требуют сознательного государственного регулирования, способствующего языковому сдвигу среди прибывающих мигрантов в сторону языка принимающего сообщества.

Вместе с тем, мы констатируем, что современные миграции осложняют процесс исследования коренных тюркских народов Сибири, поскольку создают для исследователей ложную иллюзию наличия лишь современных диаспоральных процессов.

Литература

1. Вафеев, Р. А. Татарско-русское двуязычие и аспекты билингвологии [Текст] / Р. А. Вафеев. – Тобольск : ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2001. – 164 с.
2. Ионцев, В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения [Текст] / В. А. Ионцев. – М. : Диалог МГУ, 1999. – 370 с.
3. Карабулатова, И. С. Тюменская область – Казахстан: специфика государственной этноязыковой политики в условиях приграничья [Текст] / И. С. Карабулатова, Е. В. Беженцев, К. К. Койше. – Тюмень : Вектор Бук, 2010. – 148 с.
4. Карелина, Л. Ф. Специфика языковой деятельности украинской диаспоры в иноэтничном окружении в аспекте социолингвистической контактологии (на примере Тюменской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Текст] / Л. Ф. Карелина. – Великий Новгород : НовГУ, 2006. – 18 с.
5. Михайлова, О. А. Толерантность в речевой коммуникации : когнитивные, прагматические и этические основания [Текст] / О. А. Михайлова ; отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михалова // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: коллективная монография. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2004. – С. 15–26.
6. Поливара, З. В. Этнолингвистические дифференциации в формировании лексико-грамматических категорий у татар-билингвов и русских в системе преодоления речевых дисфункций (на материале Тюменской области) : автореф. ... дис. докт. филол. н. [Текст] / З. В. Поливара. – Тобольск : ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2011. – 49 с.
7. Рязанцев, С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции [Текст] / С. В. Рязанцев. – Ставрополь : Ставропольское книжное изд-во, 2001. – 544 с.
8. Сулейменова, Э. Д. Русский язык в процессах языкового сдвига и поворота языкового сдвига в Казахстане [Текст] / Э. Д. Сулейменова ; под ред. Л. А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е. Е. Юркова // XII Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература во времени и пространстве. – Т. 1. – Шанхай, 2011. – С. 22–26.